
Пётр Левин
Канцелярская крыса
Его Императорского Величества
Том 5
Вне юрисдикции
18+

Пётр Левин

Канцелярская Крыса Его Императорского Величества. Том 5. Вне юрисдикции

«Автор»
2026

Левин П.

Канцелярская Крыса Его Императорского Величества. Том 5. Вне юрисдикции / П. Левин — «Автор», 2026

Звать меня Иван Винторогов. На Земле я был адвокатом, а здесь стал Куртом де Гри, двадцатидвухлетним чиновником магической Империи. В чужом теле успел нажить врагов, обзавестись друзьями и даже притащить Дьявола в суд.А потом объявился настоящий Курт и потребовал вернуть ему тело. Суд согласился. Мне дали тридцать дней на выселение. Куда девать душу — не уточнили. Зато договор с Дьяволом никто не отменял: сто казнённых аристократов и законная казнь Императора.Дьявол предлагает решить проблему по-своему — убить Курта. Я ему уже однажды поверил — до сих пор расхлёбываю. А тут выяснилось, что я вообще нахожусь вне юрисдикции. Ни один закон не обязан меня защищать!Придётся искать себе новое тело, судиться с Дьяволом и заодно выяснить, почему меня подселили именно в тело Курта — ведь какая-то причина была!А пока пусть имперские приставы объяснят, как они собираются выселять меня без предоставления другого жилья.Я, между прочим, юрист. И хрен вам, а не выселение!В серии от 7 томов.

© Левин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать дней 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Пётр Левин
Канцелярская Крыса Его Императорского Величества. Том 5. Вне юрисдикции

Глава 1. Тридцать дней

— Вне юрисдикции — ты, Ваня.

Партнёр улыбнулся, показав свои белоснежные клыки. Улыбка была настолько довольной, что мне захотелось взять чернильницу и запустить ему в рожу. Но чернильница хорошая, серебряная. Вот дожил, даже чужое имущество портить стало неудобно.

— Да ну нахер! — сказал я. — Только вчера выяснили, что вы подсудны, сегодня меня признали самостоятельной личностью, и вот уже я вне юрисдикции. Вы ничего не перепутали, товарищ Дьявол? Может, это у вас рога в мозг вросли?

— Дорогой Иван Сергеевич, вы удивительно невнимательны для адвоката. Реестровая палата признала свою компетенцию в отношении определённых действий, которые я совершил в вашей Империи. А другой суд установил, что Иван Винторогов и Курт де Гри — разные личности. Замечательные решения. Поздравляю! Только вам теперь придётся жить с последствиями. Вы сами этого хотели. В вашем мире есть такая поговорка: «Бойся своих желаний».

Я хотел возразить, но Партнёр уже развёл руками.

— Впрочем, нет. Жить вы собираетесь несколько иначе. Курт получил преимущественное право на тело, и совершенно законно. Я бы на вашем месте внимательно изучил порядок исполнения решения. Иногда самые интересные вещи начинаются после того, как судья уходит из зала.

Партнёр повернулся к Лиане Морр, которая сидела напротив меня с раскрытой чёрной папкой, закинув ногу на ногу. Из-под строгой юбки выглядывали стройные ножки в чёрных чулках, белая блузка была расстёгнута на две верхние пуговицы, открывая соблазнительную ложбинку и край чёрного кружева. Тёмные, почти чёрные волосы она собрала низко на затылке, но несколько прядей выбились и теперь обрамляли красивое лицо. Большие карие глаза с золотистыми искорками внимательно следили за рогатым гостем, а полные губы чуть приоткрылись. Хороша, зараза! После того, что мы вытворяли на кушетке в архиве, я вообще с трудом мог смотреть на неё без определённых мыслей. Особенно когда она вот так сидела, демонстрируя ножки, и делала вид, будто между нами ничего не было.

Поклонился настолько галантно, что я бы сам захотел дать ему по рогам.

— Госпожа Морр, рад знакомству. Постарайтесь убедить нашего общего друга не совершать глупостей. Он мне ещё нужен.

— В каком качестве? — спросила Лиана.

— В самом полезном. Живом.

Сказал и исчез.

Мы с Лианой некоторое время смотрели на место, где только что стоял Партнёр. Хорошо всё-таки устроился рогатый ублюдок: явился без приглашения, испортил вечер и свалил, даже дверью не хлопнул. На Земле у меня был один клиент с похожими манерами. Должен всем, зато на «Бентли» ездит. Кончил плохо. Правда, не настолько, чтобы обзавестись рогами.

— Он всегда такой? — спросила Лиана, закрывая папку.

— Бывает хуже. Когда настроение хорошее, начинает предлагать выгодные сделки. После первой такой сделки я оказался в гробу, в двадцатидвухлетнем.

Лиана поднялась. Чёрная юбка натянулась на стройных бёдрах, из выреза блузки выглянуло кружево. Глаза у меня, слава Императору, пока работали исправно, и я успел оценить открывшуюся картину. Женщина заметила, но ничего не сказала. Только застегнула верхнюю пуговицу. Стерва. Красивая.

— Завтра я подниму две старые ссылки на Право Первого доступа. Возможно, там найдётся ответ, зачем Партнёру понадобился именно де Гри. Но сначала вам лучше разобраться с исполнительным делом Курта. После решения судьи фон Реля оно должно открыться автоматически.

— Благодарю. Сегодня у меня выиграли тело, а вы предлагаете ещё и исполнительное производство изучать. Умеете поддержать мужчину.

— Вы же адвокат, Иван. Должны любить такие вещи.

И ушла.

Я посидел, перечитывая выписку Первого реестра. На первой странице красовалось моё собственное имя. Иван Сергеевич Винторогов. Полгода здесь жил, работал, врагов наживал, деньги зарабатывал, а существовать официально начал только сегодня. Ни гражданства, ни происхождения, ни нормального места жительства. Зато иск к Дьяволу уже имеется. В Москве с такими исходными данными даже регистрацию в коммунальной квартире не получить, а здесь целая канцелярия в подчинении.

Подчинение, кстати, тоже под вопросом. Особым ревизором назначали Курта де Гри. На его имя выдана печать, ему выплачивается жалованье. Придётся теперь доказывать Августу, что работу выполнял я, а не настоящий Курт, который в это время вообще без тела болтался. Весёлый разговор намечается. Император, конечно, и сам всё знает, но бумагу всё равно оформлять ему.

Я убрал выписку в стол и решил сегодня больше ничего не решать. Мой помощник гном Черк уже ушёл, в коридорах Канцелярии погасили половину ламп, а из кладовки, где официально проживал вампир, доносилось мерное сопение. Дракул умел спать с таким удовольствием, что иногда хотелось прибить его просто из зависти. Впрочем, я знал, что Дракул притворялся. Сейчас я уйду, он встанет, и начнёт безобразить.

***

Утром Черк принёс бумагу.

Нет, бумаг он приносил каждый день. Иногда складывал их на моём столе с таким видом, что я начинал подозревать маленького гнома в попытке завалить начальника макулатурой. Но сегодня он положил всего один лист. Серебряная полоса по краю, печать Высшего суда и моё имя крупными буквами.

— Пришло предварительное предписание по делу Курта, — сказал Черк. — Официальное вручат отдельно. Я уже проверил, подпись настоящая.

Я взял лист, сел поудобнее и начал читать.

«Ивану Сергеевичу Винторогову, самостоятельному субъекту, временно занимающему телесный носитель Курта де Гри…»

Вот же суки! Не успел имя вернуть, уже временным жильцом обозвали.

Дальше шла ссылка на решение фон Реля, перечень обстоятельств и формулировка, из-за которой я даже отложил чашку. Ненавистный чай был мерзкий, из трав, благо, что не ромашковый, но в данный момент меня занимала другая гадость.

«Предоставить тридцать календарных дней для добровольного освобождения телесного носителя либо представления законного способа исполнения, исключающего уничтожение самостоятельной личности».

Я прочитал ещё раз. Потом перевернул лист, проверил оборотную сторону и довольно улыбнулся.

— Черк, ну вот! А ты вчера переживал. Тут же прямое противоречие решению суда. Фон Рель запретил извлечение без безопасного способа. Способа нет. Стало быть, тридцать дней — филькина грамота. Сейчас напишем жалобу, потребуем приостановить исполнение до устранения противоречий, а там, глядишь, и до Нового года дотянем. Кстати, здесь когда Новый год празднуют?

Черк на вопрос про праздники не ответил. Он вообще как-то странно на меня посмотрел.

— Ты решение суда читал?

— Читал. Я на суде лично присутствовал, между прочим. Мог бы и не читать, мне всё вслух объяснили.

— Последнюю страницу открой.

Он положил передо мной копию вчерашнего решения. Нужное место было обведено карандашом. Узнаю мерзкую привычку Черка: всё важное подчёркивать, особенно если собирается потом ткнуть меня носом.

«Признать преимущественное право Курта де Гри на собственный телесный носитель. До установления безопасного способа исполнения запретить принудительное извлечение самостоятельной личности Ивана Сергеевича Винторогова, если такое извлечение повлечёт её уничтожение».

— И чего? — спросил я.

— Дальше читай.

Ниже говорилось, что отсутствие установленного способа не прекращает обязанности освободить тело. Порядок исполнения определяется отдельно.

Я пробежал глазами и почувствовал, как хорошее утреннее настроение начинает куда-то улетучиваться.

— Значит, меня всё-таки выселят?

— Ты обязан освободить тело Курта. Суд дал возможность сделать это безопасно. Если мы ничего не найдём, исполнитель обратится к фон Релю. Тот будет решать дальше. Но ты же не рассчитывал, что суд признает Курта законным владельцем, а потом разрешит тебе жить в его теле до скончания веков?

Рассчитывал, конечно. Не до скончания веков, но лет на пятьдесят вполне. Курт молодой, здоровый, магией хоть и не владеет, зато симпатичный. Девушки на него засматриваются. Правда, теперь выяснилось, что это исключительно его заслуга. Обидно.

— А если я возражаю? — спросил я.

— Возражай. Право имеешь. Только что именно будешь оспаривать? Право Курта? Сам вчера признал. Запрет на уничтожение тебя? Так он в твою пользу. Тридцатидневный срок? Обоснуй, почему другой срок поможет и какой именно тебе нужен.

Черк принялся доставать из сумки остальные документы. Я наблюдал за ним и пытался сообразить, когда маленький очкастый гном успел научиться разговаривать со мной как старший партнёр адвокатской конторы. Ещё недавно он трясся перед любым чиновником десятого ранга, а теперь сидит и учит меня процессуальному праву.

Неправильно воспитываю подчинённых.

— Можно не получать предписание, — предложил я. — Уеду в Южные земли, поболею, отправлю тебя за лекарствами. Подписи нет — срок не пошёл.

Черк даже не поднял головы.

— Вручат через Первый реестр. Уведомление считается надлежащим, когда установлена связь с субъектом. А если скрываешься, Элеонора попросит надзор за сохранностью тела Курта. И будет права.

— Вот же рыжая зараза. Я ведь даже ещё ничего не сделал, а она уже мне жизнь портит.

— Она защищает своего доверителя.

— Не надо мне объяснять, что делает адвокат. Я сам двадцать лет этим занимался. За деньги, между прочим.

Гном придвинул ко мне чистый лист и положил рядом перо.

— Тогда пиши, что предлагаешь. У нас тридцать дней. Если ты хочешь потратить их на обжалование собственного права дышать чужими лёгкими, я оформлю. Только объясни потом Курту, зачем ему ещё месяц смотреть, как ты его телом пользуешься.

Я посмотрел на Черка и усмехнулся. Хитрый сукин сын.

На Земле у меня был помощник, молоденький юрист, прекрасный мальчик. Любое поручение выполнял, пока я не обнаружил, что он полгода записывает мои разговоры с клиентами. Уволил, конечно. А потом ещё три месяца боялся, что записи всплывут у следователя. Черк с его любовью к бумагам мог бы того мальчика вообще без ножа зарезать. И всё исключительно в рамках инструкции.

Я взял перо.

— Ладно. Пишем запрос о допустимых способах переселения. Отдельно — об искусственных носителях. И своего брата Трика привлекай. Только через генпрокурора Василиса, по всей процедуре, чтобы никто потом не сказал, что я уголовнику иммунитет раздал.

— Уже подготовил. Подписи не хватало.

Вот же гномья морда!

Я подписал.

— А ты, Черк, не думал, что если я выеду из тела, тебе придётся искать нового начальника?

— Думал.

— И?

— Я надеюсь, нового начальника тоже можно будет научить читать документы целиком.

Убил бы. Только без него мне теперь вообще никуда.

***

К обеду мы добрались до поместья де Гри.

Бьянка встретила нас в холле. В руках у неё был такой же лист с серебряной полосой. Видимо, копию прислали семье. На мою попытку обнять её она не ответила, только сунула бумагу чуть ли не в нос.

— Тридцать дней? Это что ещё за херовина?!

Приятно, когда сестрёнка перенимает твои лучшие выражения. Раньше она говорила куда приличнее. Хотя и козлом меня называла с первого знакомства.

— Предписание, — объяснил я. — Судебное. Очень красивое. Печать настоящая.

— Я умею читать, Иван! Здесь написано, что ты должен освободить тело Курта. А если не освободишь?

— Будут выяснять причины.

— Какие ещё причины? Он же сам говорил, что тебя нельзя убивать!

Из гостиной показался настоящий Курт. Полупрозрачный, серебряный, в том самом камзоле, в котором я его впервые увидел отдельно от тела. У него даже волосы лежали, как у меня, хотя никакой расчёской в нынешнем состоянии он пользоваться не мог. Небольшая несправедливость, но обсуждать её не стал.

— Я действительно говорил, что не требую смерти Ивана, — сказал он. — И сейчас не требую. Но тело мне вернуть должны. Ты же не думаешь, Бьянка, что я выиграл дело для того, чтобы всю оставшуюся жизнь ходить по дому привидением?

— Я думаю, что они должны сначала найти способ! А уже потом свои сроки назначать.

Курт недовольно посмотрел на сестру.

— Способ мы ищем не первый день. Отец собирается поднять семейный архив, Трик и Черк работают с Реестром. Элеонора мне объяснила, что предписание ничего не меняет в запрете принудительного извлечения.

— Ну вот и прекрасно, — сказала Бьянка. — Пусть сначала найдут тело Ивану.

— И сколько ждать? — спросил Курт. — Месяц? Год? Пока Иван состарится? Он, между прочим, теперь тоже заинтересован в том, чтобы ничего не находить. У него есть всё. Моё тело, моя семья, моя должность, даже моя спальня.

Меня это задело.

Особенно спальня.

Я там, между прочим, ремонт сделал. Матрас нормальный купил, кровать заменил, а то старая скрипела, когда надрачивал, да так, что однажды Бьянка прибежала из соседней комнаты выяснять, не развалилось ли перекрытие. И теперь мне предъявляют спальню.

— Послушай, Курт, — начал я, — я не отказываюсь возвращать твоё тело. Вчера же сказал. Только и в ящик деревянный вместо него ложиться не собираюсь. Один раз уже лежал. Не понравилось.

— Тогда ищи способ. Но не пытайся через суд продлить проживание за мой счёт. Элеонора предупредила, что ты можешь так сделать. Не надо мне тут крутить.

Вот же рыжая стерва! Всё предусмотрела. Видимо она хотела дать мне поджопник, чтобы я засуетился.

Бьянка стояла между нами и переводила взгляд с меня на Курта. Потом сказала, что оба мы козлы, причём одинаковые. Я возражать не стал: в какой-то степени она была права, но больше насчёт своего братца-поганца.

В столовой нас уже ждали матушка София и батюшка Альберт.

Сегодня на обед подали утку с ягодной подливой. Я сразу потянулся к жареной ножке, но заметил, что София смотрит на меня с каким-то странным выражением.

— Курт всегда любил утку, — сказала она. — Особенно с этой подливой. В детстве мог съесть половину блюда, а потом жаловался, что живот болит.

Настоящий Курт улыбнулся.

— Помню, матушка. А Бьянка у меня подливу таскала, пока никто не видел.

— Потому что ты никогда не оставлял! — огрызнулась сестрёнка, усаживаясь напротив.

Я взял ложку, попробовал подливу. Сладкая, кисловатая, очень даже ничего. Раньше такую не ел.

София машинально пододвинула вторую чашку к пустующему месту рядом с собой — туда, где стоял Курт. Потом спохватилась, убрала чашку и сделала вид, что ничего не произошло. Я заметил. Бьянка тоже.

Альберт отложил нож.

— Сегодня утром я говорил с архивариусом. Он обещал подготовить семейные книги о переносах личности. Возможно, там найдутся сведения, которые помогут Ивану. Но мне нужно будет съездить в старое хранилище. Без разрешения рода туда не попасть.

— Разрешение дам, — сказал Курт. — Только не надо искать способ оставить всё как есть. Если найдётся возможность создать новое тело — прекрасно. Если нет, придётся искать дальше. Но я хочу знать, что действительно происходит. Хватит за моей спиной решать, сколько я ещё могу ждать.

— Сынок, — София поставила вилку, — никто не собирается тебя обманывать. Мы все хотим, чтобы ты вернулся. Но Иван тоже не чужой. Я несколько месяцев считала его тобой, потом узнала правду. Мне ещё вчера казалось, что всё можно как-нибудь устроить. А теперь приходит бумага — тридцать дней. Что же мне делать, если они не найдут способ? Я должна спокойно смотреть, как его убьют?

Курт помрачнел.

— Матушка, я не требую его убивать.

— Тогда попроси суд продлить срок, если понадобится.

— Если понадобится — посмотрим. Но почему ты заранее говоришь, что я должен уступить? — Курт отодвинулся от стола, хотя сесть за него всё равно не мог. — Я ведь тоже твой сын. Ты меня похоронила, потом несколько месяцев обнимала другого человека, называя его моим именем. Я всё понимаю, он помог вам, спас поместье, вернул отца. Я благодарен. Но каждый раз, когда я прошу вернуть мне собственное тело, вы смотрите на меня так, словно я собираюсь совершить убийство.

София побледнела.

— Как ты можешь такое говорить?

— Потому что ты только что попросила меня отказаться от исполнения решения, матушка.

— Я попросила не допустить смерти Ивана!

— А я не собираюсь его убивать!

Голос Курта сорвался. Не привык он, видимо, разговаривать с матерью таким тоном. Да и серебряное тело плохо подходило для семейных скандалов. Хоть кулаком по столу стукнуть не мог.

Я отложил вилку.

Жаркое, надо признаться, отличное. Испортили обед судебной практикой. Никакого уважения к труду кухарки.

— Всё, хватит, — сказал я. — Курт, ты прав. Тело твоё, спорить не собираюсь. Матушка, никто меня пока убивать не собирается. Суд прямо запретил. А если через тридцать дней способ не найдём, пойдём к фон Релю и будем объяснять, почему его решение не исполняется. Только давайте хотя бы утку доедим, а то она остынет, и мне придётся ещё с поваром судиться.

— Ты можешь перестать шутить?! — вспыхнула Бьянка.

— Могу. Но тогда придётся орать вместе с вами. А я голодный.

Альберт вдруг стукнул ножом по тарелке. Не сильно, но достаточно, чтобы все замолчали.

— Курт, ты имеешь полное право злиться. Матушка сказала не то, что хотела. Она боится потерять ещё одного человека, которого привыкла считать сыном. Иван, ты тоже хорош. Обещал вернуть тело — вот и занимайся. Я подниму старые книги, Черк пусть готовит запросы. А если понадобится новый процесс, пойдём вместе. Но вы оба прекратите превращать семью в судебный зал. Мне уже хватило одного суда, где я сам числился покойником.

После этого некоторое время ели молча.

Черк, который сидел с краю стола, вообще не вмешивался. Только записал что-то себе в блокнот. Я заглянул — «Старое хранилище де Гри. Допуск Альберта. Проверить».

Даже во время семейной ссоры работает, зараза. Вот кто настоящий государственный служащий.

София попробовала продолжить разговор, но Курт извинился и ушёл из столовой. Прошёл прямо сквозь дверь. Бьянка хотела побежать за ним, но Альберт остановил её жестом.

Я доел утку. Аппетит, в отличие от правового положения, оставался вполне устойчивым.

После обеда нашёл я Курта в саду, возле старой беседки.

Он стоял у перил и смотрел на дом. Ветер шевелил ветви деревьев, на дорожках лежали опавшие листья. Курту ветер был безразличен. Его волосы оставались уложенными, камзол не двигался. А я поёжился, потому что после обеда вышел без верхнего плаща. Осень уже подбиралась.

— Матушка не хотела тебя обидеть, — сказал я.

— Знаю.

— И Бьянка тоже.

— Знаю, Иван. Не надо мне объяснять собственную семью.

Я замолчал. Правильно. Сам не люблю, когда посторонний мужик начинает рассказывать, какая у меня жена и чего она на самом деле хотела. А ведь Бьянка и София для меня теперь именно чужая семья. Родная, привычная, любимая — но по документам чужая.

Курт повернулся ко мне.

— Элеонора сказала, что ты можешь подать заявление об отсрочке ещё до истечения тридцати дней. Если появится обоснованный план переноса, я поддержу. Если просто попросишь подождать, потому что страшно умирать, возражать не стану, но и от своего права не откажусь. Мне двадцать два года, Иван. Я хочу жить, а не сопровождать тебя по судам.

— А мне сорок два, — сказал я. — И на Земле двое детей. Дочка Маша, сын Андрей. Жена Зина. Правда, с женой у нас отношения были так себе. Я вообще ехал к любовнице на потрахушки, когда меня бревном приложило. Семейный человек, мать его. Образцовый.

Курт слушал внимательно.

— И ты хочешь к ним вернуться?

— Конечно хочу. Ради этого с Партнёром и связался. Он обещал вернуть меня в собственное тело за десять секунд до аварии. Я даже специально заставил его записать, что тормоза сработают и никто сзади не въедет. Умный был, предусмотрительный. Только про твою душу спросить забыл.

Я сунул руку в карман и вытащил старую серебряную табакерку. Нашёл её когда-то в кабинете Альберта. Ничего ценного, крышка поцарапана, внутри пусто. Просто таскал с собой, потому что удобно было держать в руке, когда нервничаешь. На Земле вместо неё почку доставал. Бросить так и не смог, хотя Зина пилила постоянно.

Курт заметил табакерку.

— Отцовская. Он всегда её брал на заседания Совета. Говорил, что запах помогает не заснуть, когда выступает имперский казначей.

— А я думал, просто красивая вещица. На, держи.

Протянул ему.

Курт посмотрел на табакерку, потом на свою прозрачную руку. Всё же попробовал взять. Пальцы прошли сквозь серебро, а я, дурак, чуть не выронил её на дорожку.

— Извини, — сказал я.

— Оставь пока у себя. Потом заберу.

Мы постояли молча.

— Ты ведь мог отказаться от суда, — сказал я наконец. — Просто поговорить со мной, сказать, что хочешь тело. Я бы, возможно, согласился.

— Ты бы согласился? — Курт усмехнулся. — Человек, который за полгода сумел пересудиться с половиной Империи, добился восстановления моего отца и притащил Дьявола к судье? Ты бы просто взял и вышел из тела по моей просьбе?

— Ну… не сразу.

— Вот именно. А так у меня есть решение. И я собираюсь им воспользоваться. Только не хочу, чтобы из-за этого ты умер.

Сказал и ушёл к дому. Прошёл деревья.

***

Вечером вернулись в Канцелярию.

Черк засел за бумаги. За день успел подготовить три запроса, два ходатайства и список специалистов, которых можно привлечь к делу. Трика вписал отдельно, с пометкой о конвое и действующем обвинении. Я одобрил. Ещё не хватало, чтобы Василис решил, будто я ради спасения собственной шкуры начал раздавать преступникам индульгенции.

Из кладовки показался Дракул. Сонный, растрёпанный, в расстёгнутом камзоле. Увидел нас и зевнул так широко, что продемонстрировал оба клыка.

— Что у вас опять? Суд? Арест? Казнь? Я только лёг, а вы уже вернулись.

— Выселение, — сказал я. — Из тела. Дали тридцать дней.

Дракул оживился.

— А тело кому?

— Курту.

— А тебе что?

— Хрен да маленько.

Вампир задумался, почесал затылок, потом неожиданно предложил:

— Могу спросить у знакомого некроманта. Он однажды пытался оживить жену. Правда, на кладбище темно было, он откопал не ту могилу, перепутал тело, и потом пришлось ещё раз жениться — на другой.

— Спасибо, Дракул. Именно такого специалиста мне и не хватало. Ты лучше узнай у него, какого это иметь покойницу…

Вампир рассмеялся и ушёл обратно в кладовку. За дверью скрипнула крышка гроба.

Черк даже головы не поднял.

— Некроманта всё-таки запишу. Если умеет возвращать душу в тело, может знать что-нибудь полезное. Только сначала проверим его судебные дела.

Я посмотрел на гнома и подумал, что в нашей Канцелярии скоро начнут принимать на работу покойников. Осталось оформить штатное расписание.

— Завтра к Августу, — сказал Черк, перелистывая бумаги. — Надо решить вопрос с должностью. Особым ревизором назначен Курт де Гри, а ты теперь Иван Винторогов. Печать, доступы, жалованье — всё придётся переоформлять.

— А нельзя просто продолжать работать? Кто заметит?

Черк поднял глаза.

— Вчера суд официально признал, что ты и Курт — разные личности. Первый реестр уже изменил запись. Заметят все, кому положено. И Элеонора первая, если ты поставишь старую печать.

Вот ведь проблема.

За несколько месяцев я привык, что Курт де Гри — это я. Утром просыпаюсь Куртом, днём работаю Куртом, вечером смотрю в зеркало — тоже Курт. Даже когда сам себе говорил, что внутри Иван Винторогов, особо не задумывался. Теперь за каждое привычное действие придётся отвечать по собственному имени.

Хотелось выпить. Не чай, конечно. Воды — чтобы утром голова трещала и никакие исполнительные производства не лезли в мысли.

В дверь постучали.

На пороге стоял молодой служитель исполнительного отдела. Серый мундир, серебряный жетон на груди, в руках кожаный футляр с печатями.

— Господин Иван Сергеевич Винторогов?

— Он самый. А что, уже передумали выселять?

Служитель не улыбнулся.

— Предписание об исполнении судебного решения. Прошу подтвердить личность.

Он достал небольшую серебряную пластину. Я положил ладонь, и над ней высветилось:

СУБЪЕКТ: ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ВИНТОРОГОВ.

ТЕЛЕСНЫЙ НОСИТЕЛЬ: КУРТ ДЕ ГРИ.

Служитель сверил запись, кивнул и протянул мне бумагу. Я прочитал её целиком. Действительно, тридцать дней. Действительно, добровольное освобождение или представление безопасного способа. И запрет на принудительное уничтожение тоже никуда не исчез.

Расписался собственным именем. Подписал бумагу о том, что обязан освободить тело, в котором стою перед служителем.

Молодой парень приложил печать, забрал свой экземпляр и пожелал доброго вечера.

Я проводил его взглядом.

— Черк, а если меня через месяц всё-таки извлекут, куда душа попадёт?

— Не знаю. Для этого и ищем безопасный способ.

— А без него?

— Иван, я же сказал — не знаю. В решении такого способа нет. Партнёр может знать, но он тебе не скажет. Нам надо искать самим.

Гном убрал предписание в папку и вернулся к своим записям.

Я сел за стол, отставил стакан и взял чистый лист. Написал сверху: «Поиск нового тела». Ниже — «Партнёру не верить». Подумал и добавил ещё одну строку: «Живое. Без хозяина».

Хотелось дописать «красивое», но решил не наглеть. После Курта мне, наверное, любой новый носитель покажется уродом. Хотя если дадут лет сорок, пузо, лысину и больную спину, то это будет почти возвращение домой. Только без Москвы.

Я вспомнил дочку Машу. Как она перед Новым годом крутилась возле меня и просила не уезжать надолго. Помнится, я обещал. Потом позвонил Ашот со своим делом, а я поехал к Иришке. И до сих пор еду, если верить договору. Десять секунд до удара бревна — вот сколько у меня оставалось дома. Здесь же прошло несколько месяцев. Интересно, что будет, когда я вернусь? Если вернусь. Машка ведь даже не узнает, что папашка успел пожить в другом мире, поработать чиновником, обзавестись драконьими знакомствами и посудиться с Дьяволом.

На краю стола тихо звякнула серебряная пластина Первого реестра.

Я поднял глаза.

Пластина засветилась, и одновременно прямо передо мной, чуть левее привычных золотых отметок Дара, появились ровные серебряные буквы. Раньше подобные строки видел только на самих реестровых устройст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.